

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 162–166

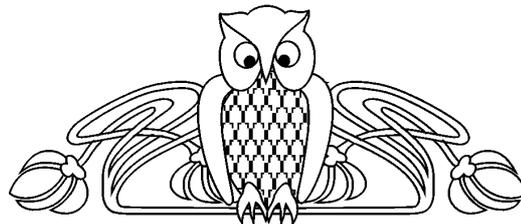
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 162–166

Научная статья

УДК 316.44

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-162-166>

Смысловые составляющие позднего вдовства

М. Э. Елютина[✉], И. Д. Ивахнова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии социальной работы, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Ивахнова Иветта Дмитриевна, аспирант кафедры социологии молодежи, blackblackmagic@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0927-4633>

Аннотация. В статье осуществляется содержательный анализ позднего вдовства, расставляются акценты на наиболее значимых смысловых и структурных характеристиках, сопровождающих его трудностях и переживаниях. Выделяется специфика позднего вдовства, связанная с распадом унитарного супружеского союза, с повышением степени риска и неопределенности повседневной жизни как в социокультурном, так и в витальном смысле. Особое внимание уделяется фольклорным образам вдовствующих людей, которые в значительной степени формируют базовые стереотипы.

Ключевые слова: вдовство, позднее вдовство, трудности, репутационный статус, гендерный и возрастной идентификаторы вдовства

Для цитирования: Елютина М. Э., Ивахнова И. Д. Смысловые составляющие позднего вдовства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 162–166. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-162-166>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-162-166>

The meaningful components of late widowhood

M. E. Elutina[✉], I. D. Ivakhnova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina E. Elutina, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Ivetta D. Ivakhnova, blackblackmagic@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0927-4633>

Abstract. The article provides a meaningful analysis of late widowhood and studies the most significant semantic and structural characteristics accompanying its difficulties and sufferings. The article reveals the specifics of late widowhood associated with the collapse of the unitary marital union and the increase of the risk and uncertainty of everyday life, both in the socio-cultural and in the vital senses. Particular attention is paid to the folklore images of the widowed people significantly forming the basic stereotypes.

Keywords: widowhood, late widowhood, difficulties, reputation status, gender and age identifiers of widowhood

For citation: Elutina M. E., Ivakhnova I. D. The meaningful components of late widowhood. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 162–166 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-2-162-166>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Проблема позднего вдовства, несмотря на свою остроту, не стала пока объектом всестороннего социологического анализа. Отдельные попытки понять этиологию и социальные проекции этой важной проблемы предпринимались как отечественными, так и зарубежными авторами, однако свое внимание они, как правило, фокусировали на раннем вдовстве с точки зрения его влияния на процессы семейной социализации. Кроме того, произошло радикальное сужение понятия вдовства до обозначения его

женского варианта в силу меньшей, по сравнению с женщинами, средней продолжительности жизни мужчин и устойчивого дефицита женихов на «брачном рынке». В России, как и в других странах, вдовство рассматривается как традиционный женский опыт, включающий ощущение потерь, терпеливое ожидание, стоическую пассивность.

Социологический анализ вдовства непосредственно связан с возрастающим интересом к локальным формам социального бытия, откры-

вающим микромеханизмы производства и воспроизводства социального, реконструирующим жизненные стратегии, видимые с очень близкого расстояния. Вдовство – многоаспектное понятие, которое может рассматриваться и как регулятор межличностных и межконфессиональных отношений, и как принцип гражданско-правового поведения, и как культурная норма, и моральная ценность. Вдовство – и концепт, и модальность, и состояние.

Ситуация вдовства неповторимая, но повторяющаяся подлинная ситуация человеческого бытия, фиксирующая встречу человека с непоправимым событием, смертью супруга(ги). Тема вдовства, несмотря на все значимые культурно-исторические развороты, ассоциируется с драмой, сложной жизненной ситуацией, заключающейся в том, что люди остаются без своих половинок, что инициирует негативные эмоциональные и умственные реакции, настроение оставленности, покинутости, заброшенности. Глубокие волнения выносят на свет все тайное, незримое, обнажают основные свойства характера человека, его личностное начало. Ситуацию усложняют социально-экономические условия жизни, связанные с возможным понижением статуса вдовствующего человека, с разрушением привычного уклада жизни.

При анализе позднего вдовства использование таких универсальных призм, как пространство и время, существенно меняет его основание и смыслы. Это обусловлено тем фактом, что в разных социокультурных контекстах имеются определенные обычаи, нормы, правила поведения вдов и вдовцов (например, обычаи, запрещающие даже в случае раннего вдовства повторный брак; право или его отсутствие на владение личной собственностью или наследством). В современном российском обществе содержание и проявления вдовства обусловлены традициями, менталитетом, внутренним опытом саморефлексирования, а также качеством жизни пожилых людей, доминирующим отношением к ним.

Специфика позднего вдовства – прекращение устойчивых супружеских отношений, сопровождающихся, как правило, доверием, эмоциональной близостью, стабильностью на фоне возрастающей потребности в заботе и поддержке. Супружеская стабильность связана с наличием и использованием сложившихся социально-экономических и ментальных ресурсов семьи, в том числе когнитивных моделей восприятия событий и ситуаций. Именно супружеская стабильность ассоциируется с личным благополучием, демпфируя различные страхи, которые с возрастом лишь усиливаются. Ситуацию нестабильности и небезопасности, в которую нередко попадают пожилые супруги, возможно преодолеть благодаря функции взаимной зависимости супругов как в социокультурном, так и в витальном смысле. Вдовствующие, привыкшие

к определенному порядку жизни, субординации отношений, эмоциональному энергетическому обмену, испытывают тяжелые переживания, связанные с жизнью в новом статусе, с попыткой «возобновиться» в соответствии с изменившейся ситуацией, найти жизненные опоры. Повышается степень риска и неопределенности повседневной жизни. Нередко овдовевший человек испытывает одиночество, будучи не в вакууме, а в окружении знакомых и родных, но не получая от них необходимой поддержки. Именно пожилые вдовствующие люди сталкиваются с высказываниями и действиями, которые ограничиваются компонентами принудительного ассортимента, базирующегося на изначальном представлении о том, что с возрастом сам человек может найти в себе силы для преодоления сложных ситуаций и реальная помощь в данном случае не уместна. По социологическим данным, в России процент самоубийств выше среди овдовевших пожилых людей, чем среди тех, кто женат/замужем¹.

Происходит развитие семантического поля понятия позднего вдовства. Само понятие наполняется новым содержанием, к примеру, возникает вопрос о включение в содержание позднего вдовства не только помощи и поддержки, но и обучения тому, как самостоятельно выйти из сложившейся ситуации.

Смысловые составляющие вдовства

Как концепт вдовство включает определенные смысловые компоненты.

1. Вдовство рассматривается как разновидность семейных аномалий, наряду с сиротством, супружескими изменами, разводом, неравным браком. Супружеская пара как неразложимый работающий социальный механизм продолжает оставаться ценностным ориентиром, отклонение от которого, несмотря на значительную распространённость, имеет негативную коннотацию. Бинарная оппозиция «супружеская пара – одиночество» проецируется на вдовство с помощью так называемого «минус-приема», когда в отношении вдовствующего человека перечисляется отсутствие характеристик, нормальных для человеческой жизни: финансовой стабильности, востребованности, жизненных перспектив.

2. Вдовство как ритуал. Этнографические, фольклорные данные свидетельствуют о ритуализации вдовства: обычай соблюдать траур, следование определенным этикетным нормам, регламентирующим внешний облик и поведение тех, кто обязан бности вдовство. Традиционные представления базируются на фольклорных образах, которые в значительной степени формируют базовые стереотипы. Так, в социальной рецепции образное поле пожилой вдовы включает образ крикливой, жестокой, агрессивной женщины.

Огромную роль в понимании данного феномена играют сказки. Сказочные персонажи,

известные с детства, способствуют конструированию определенных стереотипов как вдов, так и вдовцов. Специалисты подчеркивают наличие важных моментов, заключающихся в том, что, во-первых, в сказках преобладают две категории взрослых персонажей – молодые и старые; для традиционной сказки не характерны персонажи среднего возраста; во-вторых, присутствует возрастная норма установления брачных отношений: брать в супруги следует ровесника². Старик после смерти первой жены женится на другой, соответствующей ему по возрасту. Если царь-старик решает жениться на молодой царевне, то это нарушение нормы, такой брак в сказке никогда не заключается. В связи с этим часто в сказках встречается ситуация, когда вдова, вышедшая повторно замуж, имеющая детей, становится вредной мачехой для детей своего мужа от первого брака. Мачеха, а нередко и ее родные дочери, изводят падчерицу непосильной работой, завидуя ее красоте. Для данного сказочного образа характерны следующие функциональные проявления: 1) наложение заклятия, так как мачехи нередко являются колдуньями, преследование падчерицы из зависти к ее молодости и красоте; 2) функция вредительства – мачеха совершает физическое и психологическое насилие, отправляет детей на испытания у чудища, змея, бабы-яги, мороза. Причем для родных дочерей ее отправка еще более вредна, так как они неудачно повторяют удачно совершенные действия падчерицы. При этом безвольный отец/отчим не противоречит своей сварливой деспотичной жене, он не является ответственным и ответствующим за совершенное преступление. Мужчины, овдовев, решают вторично связать себя узами брака, тем самым обрекая своих родных детей на незавидное положение «золушек».

В фольклоре и литературе исключения редки. Характерные для мачехи функции в сказочных сюжетах выполняют и старые злые (они же уродливые и безобразные) феи. Наделяя их перечисленными чертами, как правило, забывают о такой мотивации их поведения, как «обиженность»: их оскорбили, забыли³. Русская поговорка: «Лучше семь раз гореть, чем один раз овдоветь» имеет негативную коннотацию отношения к вдовству: 1) вдовцам и вдовам достаточно сложно приспособиться к новой жизни и найти нового супруга; 2) им сложно выполнять родительские обязанности самостоятельно.

Рассматривая статус вдовы в русской крестьянской среде второй половины XIX – начала XX в., З. Мухина отмечает ее двойственное положение в ритуальном отношении: с одной стороны, вдова считалась социально ущербной, неполноценным членом общества, что проецировалось на ритуальные функции в виде их ограничений, с другой – ассоциировалась с чистотой, целомудренностью, что вело к повышению ее религиозного статуса⁴. Вдовы, воздерживающиеся от

вступления в повторный брак, получали одобрение, так как демонстрировали важнейшие христианские добродетели: верность покойному мужу и постоянство. Добавим в качестве традиционно рассматриваемого позитивного момента вдовства и тот факт, что статус вдовы нивелирует возможную стигму «нежеланности» и освобождает женщину от рисков жизни с токсичным супругом.

А. Г. Фот отмечает, что для вдовцов среди духовного сословия императорской России, кроме псаломщиков и пономарей, повторный брак был запрещен. Для женщин вдовство означало потерю финансовой стабильности, жилища. Кроме того, у овдовевшей представительницы духовного сословия было очень мало шансов повторно выйти замуж, так как повторное замужество ставило под сомнение право женщины воспитывать детей от предыдущего брака⁵. В некоторых культурах и до настоящего времени сохранилась традиция стигматизации женщин (вдовья доля), потерявших мужей. Она предусматривает различного рода запреты для вдов, к примеру, на участие в праздничных гуляниях, на ношение цветной одежды, на употребление вкусной пищи. Так, в Индии до сих пор сохраняются так называемые «города вдов», куда стекаются со всей страны женщины, потерявшие мужей и изгнанные своими родственниками, лишенные денег, крыши над головой и вынужденные играть роль изгнанниц, мучениц, жертв.

3. Вдовство как формальный знак, маркирующий социокультурные границы:

– знак официальной регистрации прекращения брачных отношений, переход к холостому образу жизни;

– знак, специфицирующий идентичность человека, потерявшего мужа/жену: мирные и военные вдовы(цы), вдовы(цы) знаменитых, публичных людей. Репутационный статус вдовствующих может как повышаться, так и понижаться, во многом это зависит от «веса» умерших в социальной жизни, от их престижа и авторитета. Нередко в случае понижения статуса происходит расхождение между потребностями (ожиданиями) человека и возможностями, ресурсами окружающей его среды, что может вызвать статусный протест. Человек продолжает выбирать привычную для него модель поведения, невзирая на изменившиеся обстоятельства. Особое место в современном социокультурном пространстве принадлежит вдовам знаменитых людей, которым «приписывается» определенный поведенческий хронотоп: охрана общественной репутации выдающегося мужчины, сохранение и распространение его наследия. Описывается и такой феномен, как транс-вдовы(цы), мужья и жены которых совершили «переход» к другой половой идентичности;

– знак формирования определенных когнитивных и поведенческих схем, функциональная определенность которых коренится в культуре.

4. Гендерный и возрастной идентификаторы вдовства: вдовы и вдовцы; раннее вдовство и позднее вдовство.

5. С точки зрения когнитивной модели вдовство описывается как субъективный феномен, характеризующийся определенной эмоциональной модальностью. Речь идет о переживании горя. В настоящее время существуют различные подходы к анализу процесса переживания утраты близкого человека, выделяют различные стадии, временные интервалы. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые рассматривают данный процесс как процесс смысловой реконструкции, успешность которого предполагает конструирование символической связи с ушедшим, а не его забвение⁶. Для пожилого овдовевшего человека особенно высок риск дезадаптации, который, помимо прочего, связан с особенностями взаимодействия временных модусов жизни – пространство прошлого расширяется за счет сужения пространства будущего. Человек оказывается в ситуации, предполагающей перестройку локальных жизненных событий, наполнение их новыми смыслами. Это ситуация разрыва, когда надо подводить новые практики и переживания под выработанную форму повседневной жизни.

Результаты исследования с помощью анкетного опроса вдов и вдовцов в возрасте 60–70 лет, овдовевших более года назад, демонстрируют негативный образ будущей жизни: доминирует ориентация на позитивное прошлое, значимость будущего снижается, теряется способность получать удовольствие в настоящем. В качестве своих жизненных перспектив респонденты назвали: «болезнь», «одиночество», «смерть близких». Свое будущее они описывают, как «темное», «ужасное», «хаотичное», «холодное», «отталкивающее», «безнадежное», «ничтожное», «сложное», «зависящее от других». Преобладают пессимизм, отчаяние, сумбур, не поддающийся контролю, представление о будущем как бессмысленном периоде жизни⁷. Это состояние «осложненного или затянувшегося горя», когда человек остается наедине с жизнью, в которой больше нет ничего, кроме образов, которые превращаются в бесконечное субъективное представление. Такое состояние, сравнимое с образом белки, которая крутится в колесе воображаемого и символического, может трансформироваться в различного рода болезни.

Характеристики вдовства как субъективного состояния определенной модальности

1. «Протяженность» и интенсивность данного состояния фиксируется с помощью терминов «до» и «после». «До» означает структурное единство, стабильность, четкие линии отбора средств, «после» – изнанка жизни, дезадаптация, разрушение границ в осознании собственных возможностей. Отсутствие близкого человека в жизни

индивида, остро переживаемое, предопределяет его желание компенсировать это отсутствие ритуальными действиями заботы: следить за местом захоронения, облагораживать его. Символические действия ритуала психологически необходимы для внутренней связанности и смысловой переклички прошлого и настоящего, для последующего признания и примирения с актуальностью небытия, вызванного смертью близкого человека. Это и приобретение алиби своей продолжающейся жизни. Энергия горя трансформируется в энергию регистрации цепочки ритуальных действий, позволяющую постепенно «присвоить» мысль о потере и тем самым нивелировать негативный эффект тревожных мыслей и чувств. Горечь утраты изживается, трансформируется в иные формы. В случае патологической скорби, застревания на мыслях об умершем, бесконечного внутреннего диалога с ним конструируется феномен «культы умершего», который фрустрирует повседневную жизнь овдовевшего. В научном дискурсе отмечается тот факт, что пожилые женщины легче переносят потерю супруга в связи с доминирующей у них ориентацией на «участие в жизни молодого поколения».

2. Реальное присутствие заменяется виртуальным, в том числе через «несобственное» присутствие: книги, ландшафты, личные вещи, имеющие непосредственное отношение к судьбе ушедшего человека. Артефакты становятся оптическим инструментом, с помощью которого можно актуализировать воспоминания, сделать яркими и насыщенными любимые образы, когда человек чувствовал себя счастливым. Это эффект, который М. Пруст назвал совпадением прошлого и настоящего в конкретном восприятии, выходящим за рамки обычного времени.

3. Режимы внутреннего разлада вдовствующего пожилого человека с самим собой, что проявляется в следующих моментах:

– ощущение нехватки ресурсов (материальных, духовных), связанное, как правило, с падением качества жизни в связи с ситуацией вдовства;

– противоречие между нежеланием интервенции во внутреннее пространство повседневной жизни и боязни остаться без помощи и поддержки. В условиях системного кризиса, коммодификации различных персональных услуг, составляющих экономику заботы, помощи, предоставляемой родственниками, пожилые люди могут и не дожидаться. И на то есть объективная причина – дети могут быть еще беднее, лишившись постоянной работы. Кроме того, существует разная эмоциональная вовлеченность и разная степень ответственности за удачи и неудачи членов семейно-родственного союза. Остаются неизменными традиционные ролевые позиции старшего поколения, продолжающего нести всю полноту ответственности. Но когда ситуация объективно меняется в направлении предоставления необходимой помощи пожилому родственнику,

младшим членам семьи нередко субъективно сложно принять эту ответственность, что может привести к субъективному отчуждению;

– концентрация внимания на собственных переживаниях, на своем автономном, ни от кого не зависящем опыте. Это может быть, к примеру, осознание вдовства в качестве расплаты за «неудачную» реализацию биографических проектов, за собственную несостоятельность (неудавшиеся планы, пагубные привычки, необоснованные претензии);

– время жизни вдовствующего человека распадается на разные временные звенья, образуя разорванную цепь. Образовавшиеся разрывы представляют собой смысловые пустоты, когнитивные диссонансы, нередко проецируются на взаимоотношения с родными и близкими людьми в виде разрастающейся дистанции.

В качестве итогов аналитических рассуждений отметим следующие положения. Изучение вдовства как концепта под воздействием интегративных отношений позволяет реализовать потенциальную многозначность этого феномена, активизировать латентные смыслы. Сказки, составляющие ядро народного мировоззрения, формируют ассоциативные ряды конкретного процесса восприятия вдов(цов), а потому регулируют поведенческие реакции. Содержательным наполнением понятия позднего вдовства является прекращение устойчивых супружеских отношений по причине смерти одного из супругов, сопровождающееся негативным эмоциональным режимом, включающим как страдание по поводу невозможности восполнить потерю, так и беспокойство по поводу лишения необходимых в этом возрасте опоры и поддержки, практик заботы.

Примечания

- ¹ См.: Белоглазов Г. Социологический анализ самоубийств в России (WWW вариант). URL: <http://katatonianagod.ru/ssuicide.html> (дата обращения 25.05.2020).
- ² См.: Краюшкина Т. В. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 19.
- ³ См.: Осинская И. Красавицы и чудовища: смысловые конструкции и образное поле красивого и уродливого в сказках // Теория моды: одежда, тело, культура. 2016–2017 зима Вып. 42. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 142–157.
- ⁴ См.: Мухина З. З. Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX века) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 63.
- ⁵ См.: Фот А. Г. Женщина духовного сословия в преформенную эпоху (по данным метрических книг и клировых ведомостей церкви города Оренбурга второй половины 19 века // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: История и современность (региональный аспект): материалы междунар. науч. конф. / ред. кол.: В. А. Веремко (отв. ред.) [и др.]. СПб.: Ленинградский гос. ун-т (ЛГУ) им. А. С. Пушкина, 2019. С. 322–323.
- ⁶ См.: Руслана А. О. Периодизация процесса переживания горя в психологии в сопоставлении с некоторыми положениями православного богословия // Консультативная психология и психотерапия. 2012. № 3. С. 185–212.
- ⁷ См.: Инполитова Е. А. Жизненные перспективы пожилых людей, утративших брачного партнера // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1, вып. 3 (87). С. 43–46. DOI: 10.14258/izvasu (2015)3.1–07

Поступила в редакцию 14.01.2021, после рецензирования 17.02.2021, принята к публикации 17.03.2021
Received 14.01.2021, revised 17.02.2021, accepted 17.03.2021